

Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологически этюды. — М., изд-во «Наука», 1969. 263 стр. (АН СССР. Институт славяноведения и балканистики).

Со времени лингвистической экспедиции в Полесье (1962—1965) прошло немногим более пяти лет. Однако результаты этой экспедиции вполне очевидны: в короткой последовательности друг за другом опубликованы три содержательных тома¹, в которых собраны материалы экспедиции. Плодотворность подобного предприятия вполне ясна из многогранности поставленных проблем, которые до сих пор лишь отрывочно освещались в специальных публикациях. В настоящее время не подлежит сомнению, что это последовательное мероприятие с его системной направленностью, с ясной, планомерной и многосторонней целевой установкой принадлежит к крупным лингвистическим начинаниям последнего времени, осуществленным непосредственно в полевых условиях: обращение к первоисточникам, как и всегда, оказалось весьма полезным.

Доказательством этого являются и рецензируемые «Семасиологические этюды»; они основаны на обширном материале, собранном непосредственно *in terga* и впоследствии дополненном путем исчерпывающего привлечения рукописных сборников и картотек диалектных словарей².

Вряд ли, однако, можно согласиться с утверждением автора о том, что «материал представляет собой наибольшую ценность». Мы вполне понимаем это скромное утверждение, помня о том, что едва ли можно ожидать, чтобы в недалеком будущем методические возможности семасиологии получили такое развитие, при котором достигнутые автором лингвистические результаты и их экстралингвистические следствия потребовали бы какой-то корректировки или тем более оказались бы устаревшими.

Книга «Славянская географическая терминология»³ — одно из крупных ис-

следований, появившихся в последнее десятилетие, посвященных анализу однозначно ограниченного круга общеславянской лексики⁴. В данном случае избрана определенным образом ограниченная номенклатурная лексика, соотносимая с естественными реалиями внешнего мира, которые обычно находят отражение в языковых обозначениях. Эти обозначения элементов экстралингвистической действительности опираются на их реальные или условные различия (разграничения). Отсюда особый интерес целого ряда научных дисциплин к работам подобного рода, особенно тех наук, которые используют донаучное толкование понятий в качестве своего рода «окаменелых свидетелей» (*Leitfossilie*) прошлого. Исследование понятий на основе и посредством знаков, обозначающих предметы повседневного опыта и различающихся во временном и пространственном планах, уже давно было названо «археологией духа». Наши ожидания относительно возможностей исследований подобного рода не велики, ибо хорошо известна определенная ограниченность возможных при этом выводов. Мы помним также и некогда существовавшее в науке резкое противопоставление слова и вещи, знака и понятия, что еще раз предостерегает нас от слишком поспешных или механистических выводов. Рецензируемая работа, основанная исключительно на анализе фактического материала и на использовании рационального метода, безусловно, гарантирует автора от разного рода эксплицитных или имплицитных манипуляций с далеко идущими экстралингвистическими выводами.

В своей работе Н. И. Толстой затрагивает тему, которая в послевоенные годы была различным образом исследована в отдельных языках⁵; общеславянский подход, однако, не характерен ни для одной из критически разбираемых им работ. Следует особо подчеркнуть, что целевая установка автора не ограничивалась «славянской географической терминологией» (в связи с этим заголовки работы оказываются не совсем адекватными). Автор скорее предлагает семасиологические этюды, основанные на рассмотрении инвентаря знаков, относящихся к различным понятийным сферам. Его основное внимание направлено на выработку методологии. Итогом рецензируемых этюдов явились своеобраз-

¹ Кроме рецензируемого исследования, см.: «Полесье», М., 1969; «Лексика Полесья», М., 1968. Рец. см.: «Die Welt der Slawen», Jg. XIV, 1969; ВЯ, 1971, 4.

² «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» (Минск), «Атлас середньонадніпрянських і північних говорів української мови» (Київ); «Карпатский диалектологический атлас» (Москва); «Словарь русских народных говоров» (Ленинград) и др.

³ По мнению многих современных ученых, название «терминология» в строгом смысле слова не применимо к объектам данной предметной области, ибо здесь мы не имеем дела с искусственными и объективно-научными классификациями. См.: E. Coşeriu, Einführung in die strukturelle Betrachtung des Wortschatzes, Tübingen, 1970, стр. 93.

⁴ Ср., например: О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966.

⁵ Ср. даваемую автором критическую оценку этих публикаций во «Введении», стр. 5—12.

ные повторяющиеся семантические схемы развития «значения (значений)», которые показывают семантическую структуру участка словаря, избранного автором для исследования. Рассматривая и сопоставляя разрозненные «этикетки» (обозначения понятий), Н. И. Толстой выясняет причины их внутренней взаимообусловленности и вытекающую отсюда упорядоченность в общеславянском плане. Он также прокладывает пути к пониманию механизма системности значений. Автор не скрывает, что содержащаяся в его книге постановка проблемы, значительно усложненная и имеющая другую направленность по сравнению с более ранними тематически близкими исследованиями, проведенными на материале отдельных языков, стала возможной именно при учете результатов этих исследований. Не подлежит сомнению, что Т. А. Марусенко⁶, которая на анализируемой ей территории выделила узкие локальные зоны, добилась значительных результатов, а установленные ею лексические изоглоссы как методически, так и по выводам оставили далеко позади прежние работы, посвященные исследованию других славянских языковых ареалов. Только на основе тщательного и подробного сопоставления методики имеющихся исследований, близких по тематике к рецензируемой работе, и на основе здоровой оценки прежнего состояния методики подобных исследований можно понять сделанный Н. И. Толстым шаг вперед в другом направлении. Речь идет «о наблюдениях за семантическими сдвигами и смещениями слов, бесспорно относящихся к одному этимону» (стр. 13). Тем самым оправдывается ограничение исследования определенным фрагментом словарного состава⁷, который разбирается в четырех главах: «Гора — лес», «Безлесное пространство — лес», «Болото», «Омут. Яма. Лука».

Если это ограничение не нуждается в дальнейших оправданиях, то второе ограничение, на которое указывается в работе, выглядит несколько неожиданным. Речь идет об использовании примеров из языковых памятников в диахроническом плане. Автор пишет, что «привлечение этого материала было бы, безусловно, полезно» (стр. 13), но в качестве причины отказа от исторического материала он указывает в первую очередь на возможное в этом случае

удвоение объема работы «при пропорционально гораздо меньших общих результатах разрешения поставленных задач» (там же). Однако именно здесь и может возникнуть расхождение мнений. Нам известны цели, поставленные автором, а также и то, что при его исследовании должно занять первое место. Следует, однако, помнить, что из возможного множества «семантических сдвигов и смещений слов», существование которых может быть практически доказано, в языке находит отражение лишь ограниченное их число. Именно поэтому здесь была бы желательна «историческая» полнота засвидетельствованных контекстов. Изучение слов, с какой бы целью и в каком бы направлении оно ни предпринималось, всегда касается в первую очередь их истории и раскрывает все многообразие их бытования. Подход автора в данном случае нельзя считать безусловно убедительным. Отказ от примеров из диахронии, мотивированный тем, что это привело бы «к весьма значительному расширению объема работы» (там же), сам по себе не является обоснованным. В противоположность этому следует всецело поддержать положение автора о том, что к анализу следует подходить с чрезвычайной осторожностью, причем каждый пример из языковых памятников следует подвергнуть филологическому и лингвистическому анализу, после которого все же остается сомнение в том, представлен ли обнаруженный географический термин в историческом контексте в определенном значении и каков диапазон этого значения. Однако здесь следует отметить (и это автору, безусловно, хорошо известно), что и представленные диалектные вокабулы, взятые из вторых рук и из письменных памятников, нередко также не поддаются проверке и не являются а priori контекстуально однозначными и ясными.

В этом месте «Введения» у читателя еще не складывается представления о тех методических принципах, на основе которых автор разворачивает свою на редкость стройную аргументацию. Это несколько критически настраивает читателя и даже ведет к некоторому скепсису. Несмотря на растущее согласие читателя с выкладками автора по мере приведения им фактического материала, напряжение поддерживается на протяжении чтения всей книги, вплоть до «Кратких выводов». Там все проясняется в заключительном положении: «Иными словами, синхронные особенности диалектов в пространстве могут быть представлены как диахронические, как последовательности изменения диалектных черт во времени» (стр. 242).

Такая подмена пространственных семантических колебаний диахроническими вызывает принципиальное сомнение. Историю и эволюцию понятия не следует

⁶ Т. А. Марусенко, Названия рельефов в украинском языке. Канд. диссерт., Киев — Каменец-Подольский, 1967; ср.: е е же, К словарю украинских географических апеллятивов, Названия рельефов, сб. «Полесье».

⁷ «Материал для сравнения привлекался по принципу общности полесских и других славянских лексем или тождественности семантических сдвигов» (стр. 12).

подменять максимально широким инвентарем синонимов и его взаимодействием внутри языковой семьи в синхронии. Все это, однако, хорошо известно автору и было в полной мере принято во внимание в его исследовании. Он обнаружил, что, учитывая константный характер лексики славянских языков, при исследовании достаточно широкого круга семем можно с большой уверенностью высказаться о семантической эволюции. «Чем большее число различных значений-рефлексов известно в славянском мире, тем с большей достоверностью и подробностью возможно восстановление процесса семантической эволюции от начального до конечного ее состояния, тем более убедительна реконструкция семантики термина-этимона» (стр. 242). Этот прием обладает замечательным свойством: он оперирует «ассоциативным полем» в качестве языковой модели и одновременно нейтрализует принцип относительности как выражение различного членения словесного, а также и понятийного, поля в отдельных славянских языках в процессе их самостоятельного развития. В этой связи можно указать на синонимию и спонтанный параллелизм семантических сдвигов. Мы узнаем, что, развиваясь по ассоциативному принципу, этимон как морфологическое ядро семемы может обозначать не только то или иное понятие, но и его противоположность. Это относится и к суффиксам (например, *-ина* как суффикс множественности однородных предметов и как суффикс с индивидуализирующей функцией, стр. 59; ср. также *лес* в значении «Wald» и «отдельное дерево», стр. 60; ср. также пару *шума* «низкорослый лиственный лес» и *гора* «строевой лес», стр. 65 и сл.; соотношение *гора* : *лес* характеризуется как «универсальный семантический сдвиг»).

Остается вопрос, как быть со ссылкой на параллельные семантические процессы? Они обладают определенной доказательной силой в рамках аналогии, но сами по себе не являются доказательными для других семантических отношений. Все упирается в вопрос мотивации в самом буквальном смысле, в вопрос об импульсе, вызвавшем семантический переход. Засвидетельствованная в псковском ареале многозначная вокабула *краж* сама по себе лишена определенного значения. Совершенно ясно, что для того, чтобы выяснить, что она означает в каждом конкретном случае, необходимо (как в отношении, скажем, местоимений) проследить ее использование в контексте.

Мы не будем здесь подробно рассматривать многочисленные выводы автора по частным вопросам, которые нередко имеют большое значение и отличаются новизной. Он приводит многочисленные примеры близости словенского и словацкого языков (стр. 79, 127 и др.). Хотя этимология не является предметом исследования, автор рассматривает этимологически спорные факты на основе широкого семасиологического анализа (например, **gaj*, **galo*, **bolna* и др.). Важным представляется нам указание на то, что **kaluga* встречается в тех славянских языках, где имеется также **jaruga*. Однако я не могу присоединиться к объяснению автора на стр. 240.

Интересны и важны сделанные мимоходом указания на дублетные формы с *b/p* в начале слова (стр. 74), на повторяющиеся сочетания *ka-*, *ba-* в украинских названиях ям и луж, указания на параллельное использование строительных терминов и орографических терминов и т. д.

«Краткие выводы» автора снова являются подтверждением его чрезвычайной скромности. Здесь спокойно констатируется: «...одной из главных задач нашей работы было установление наиболее полного набора семем, относящихся к каждой отдельной лексеме в общеславянском масштабе, и выявление на этом основании ряда „семантических цепей“» (стр. 243). Автор называет звенья таких семантических цепей связанными семемами и приводит типичные примеры. Речь идет об установлении основных структур семантических переходов в изучаемой номенклатуре, таких как «гора» ↔ «лес», «гора» ↔ «берег», «дуг» ↔ «лес» и др. Выделенные таким образом значения свидетельствуют о переменчивой смысловой нагрузке отдельных названий. Моментом, который вступает в противоречие с этой многозначностью, является мотивированность лексемы, т. е. еще сознаваемая или живая этимолого-семантическая связь.

Книга Н. И. Толстого даже для тех читателей, которые критически настроены по отношению к ее отдельным частям, является исключительно полезной и необыкновенно поучительной. Эта работа свидетельствует о большой эрудиции автора, является попыткой проложить новые пути в методологии исследования и представляет собой достойный вклад в современную славистику.

И. Шютц

Перевел с немецкого М. М. Маковский